

СО-РАЗМЫШЛЕНИЕ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЕЕ, ЧЕМ СОГЛАСИЕ

БЕСЕДА С ДОКТОРОМ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРОМ Л.Е. КРОЙЧИКОМ

Лев Ефремович, ваша жизнь всегда была связана с творчеством — с журналистским, научным, театральным, педагогическим... Объединяющим началом во всех этих устремлениях был ВГУ. Такая многогранность — свойство вашей природы или влияние классического университета?

— Если следовать логике вашего вопроса, то получается, что до двадцати лет я был «растением», как любят выражаться нынче: я пришел в ВГУ в 1954 году двадцати лет отроду. А до этого моя натура представляла собой амебу, нарисованную в учебнике «Естествознание», по которому я учился, или — какой-нибудь кок-сагыз из того же учебника.

Человек изначально многогранен. Ему от рождения многое дано. По моим представлениям, его с момента появления на свет окружают три среды, оказывающие влияние на дальнейшее существование: природная среда собственного «я»; среда домашняя (семейная) — повседневно бытовая и третья среда — среда времени. Взаимодействие этих сред и определяет в конечном счете формирование личности.

Когда тебе почти восемьдесят, есть пространство для прогулок внутри собственного существования. Сколько себя помню, всегда был «воображалой»: в детстве забирался под круглый стол, стоявший посреди комнаты, накрывал его одеялом — отгораживался от остального мира и сидел в этом отгороженном от окружающих мире. По вечерам, когда разжигали печку, сидел у открытой топки, разглядывая огонь, и слушал рассказы бабушки о прежней жизни.

Родители купили нам с сестрой эпициоскоп — громоздкий ящик с лампочкой и линзой, и мы рассматривали, говоря современным языком, слайды-виды-картинки из другой жизни. Родители — врачи по специальности — тоже были людьми творческими. В молодости они сочиняли сценарии капустников, которые игрались в Ярославском Доме санитарного просвещения. В школьные годы в Ярославле я пел сатирические куплеты, обличавшие американский империализм (сочиненные,

естественно, мной), участвовал в разного рода литературных инсценировках. Стихи о товарище Сталине сочинял...

Творчество — это вечное стремление к самореализации, к преодолению того, что мешает твоему самовыражению. Творчество — это процесс освобождения от догм, это стремление почувствовать себя внутренне свободным человеком даже тогда, когда внешние обстоятельства мешают тебе ощутить собственную вольность. Мне всю жизнь хотелось быть самим собой. Я либерал не по партийным своим убеждениям, а по состоянию души.

— *А как же ваши стихи, посвященные Сталину?*

— Так меня же никто не заставлял их писать! Страна отмечала семидесятилетие вождя — мне хотелось, чтобы мой голос был услышан. Получил даже грамоту на городском смотре художественной самодеятельности...

Но, конечно, университет повлиял на мое дальнейшее развитие. Другое время пришло. Уже повесть «Оттепель» И. Эренбургом была написана. А потом нам зачитывают как бы секретный доклад Никиты Сергеевича Хрущева на XX

съезде партии. А потом младшекурсники филфака — Марк Бент, Витя Куропаткин — выпускают рукописный журнал «Открытый взгляд», и их с позором выгоняют из университета. А где-то рядом два лета, проведенных на уборке урожая на целине, Дни поэзии ВГУ, участие в художественной самодеятельности... Я варю в университетском котле, от которого идет приятный запах варева, затеянного тогдашним ректором Борисом Ивановичем Михантьевым. Наверное, это было варево, сочиненное не только ректором, не только университетом, а прежде всего тем временем, которое нас всех формировало.

Университет той поры для меня — это Алла Борисовна Ботникова, Анатолий Михайлович Абрамов, Зинаида Даниловна Попова, Валентин Сидорович Рахманин, Владимир Михайлович Второв. Позже огромное влияние оказали на меня Владислав Петрович Скобелев и Владислав Анатольевич Свительский.

В моей жизни были два периода такого абсолютного счастья — пять лет учебы в университете и три года работы в редакции шебекинской газеты «Пламя».

— *Университет семидесятых-восьмидесятых годов нельзя было представить без Театра миниатюр, который позднее стал именоваться театром «Парадокс». Сегодня эта страница истории, к сожалению, перевернута и многим нынешним студентам неизвестна. Театр стал историей, о которой, к счастью, осталась книга профессора Зиновия Яковлевича Анчиполовского «Живая легенда». Осталась память... Что чувствует человек, причастный к рождению театра? Нет ли у вас ощущения потери, подобной утрате, которую чувствуют родители, потерявшие своего ребенка?*

— Сравнение ваше, конечно, не корректно, но если перевести вопрос в иную плоскость, в разговор об утрате в моей жизни чего-то творческого, то я отвечу так: Театр миниатюр ВГУ остался фактом моей биографии, потому что формальный уход из коллектива не означал, что я с этим коллективом расстался.

Что такое Театр миниатюр ВГУ? Это — самодеятельный коллектив. Самодеятельность — прогрессивное слово, характеризующее творческое отношение к жизни. Циники той поры иронизировали, коверкая это слово, превращая самодеятельность в «самонадеятельность». Между тем, самодеятельность в любой сфере — это творчество рвущихся к самоутверждению людей. Чем плохо? Да ничем! Вся жизнь человеческая — самотворение: «Я пришел в этот мир, чтобы заявить о себе!» Каждый год к нам в театр приходили два-три десятка желающих в нем работать. Мы, разумеется, устраивали просмотры, приглядываясь к новичкам, но никого не выгоняли: человек пришел заниматься делом — двери открыты. Одно время у нас даже работала студия «цыплята», занятия в

которой вели опытные актеры — Виктор Беляев, Игорь Колежук, Вадим Кулиничев. Кого-то из «цыплят» вводили в репертуар, кто-то терпеливо ждал своего часа. Самые нетерпеливые уходили. Это естественный процесс отбора. Но вот что интересно: отучившись в университете, покидая Воронеж, ребята создавали театры там, где работали — в Молдавии, в Украине, в Подмосковье, в Ярославле, в Туркмении. Володя Соснин, Валя Славин, Рома Лубан, Ирина Фурман... Да и в Воронеже возникали коллективы, которыми руководили Игорь Колежук, Сергей Поляков, Ольга Викторова.

Конечно, мне сегодня грустно, что в нынешнем университете не нашлось места современному Театру миниатюр. Иногда слышу: «Время другое». Думаю, что дело не в «другом времени», не в отсутствии талантливых лицедеев, а в том, что нет всего-навсего одного человека, одержимого желанием взвалить на себя такую ношу.

— *А вы?*

— Сегодня я могу только рассказать о том, что было. Вспомнить прошлое. Ушли навсегда Валентин Семенов, Володя Сисикин, Вадим Кулиничев, Виктор Беляев, Саша Смирнов, Юля Позднякова, но театр продолжает жить как явление нравственное, как часть духовной жизни не только поколения шестидесятых-семидесятых, но и как некий миф о том, что можно жить не как все, что можно и должно сохранять себя в самых невероятных обстоятельствах жизни.

Мифы не умирают. Они обрастают новыми подробностями существования тех людей, что когда-то были и дают веру тем, кто жив.

— *Обычно спрашивают об учителях, оказавших влияние на профессиональную и человеческую судьбу. Я не могу вас не спросить о ваших учениках, в процессе работы с которыми вам приходилось самому перестраиваться, менять свою жизненную позицию. Есть у вас такие ученики?*

— Признаюсь, не знаю, кого считать своими учениками? Тех, у кого в зачетках стоят мои росписи? Но таких за пятьдесят с лишним лет работы на журфаке (да и на филфаке, где я когда-то читал спецкурсы) накопилось несколько тысяч. Или ученики — это те, кто благоговейно смотрит в рот и заучивает все тобой изреченное? Или ученики те, кто писал у меня курсовые, дипломные, кандидатские диссертации? А может, ученики — это читатели-единомышленники, знавшие меня по моим колонкам в «Воронежском курьере» и в других изданиях?

Мне трудно ответить на это вопрос, потому что я никогда не ощущал себя человеком, восходящим на амвон и читающим с него проповеди. Я учитель тех, кто считает себя моими учениками. Позволю себе ответить на ваш вопрос несколько иначе: у меня есть любимцы. Фамилий, естественно, называть не буду, просто определю

тип людей, которые мне по душе. Это люди, умеющие самостоятельно мыслить; люди поступка; люди не зашоренные; люди, внутренне свободные; люди, обладающие чувством юмора; люди, умеющие прощать, понимающие цену собственных ошибок; люди, с уважением относящиеся к себе, но никогда не противопоставляющие себя окружающим.

Не люблю людей высокомерных. Человек по природе своей – личность снисходительная. Мне довелось разговаривать с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, с Михаилом Михайловичем Бахтиным. Что запомнилось? Глаза, на тебя устремленные. В глазах – интерес к тому, что говорит собеседник. Давно понял: человек, знающий себе цену, на рынок амбиций не выходит.

Не скрою, когда кто-то со мной соглашается, мне приятно. Но я очень люблю тех, кто со мной рядом размышляет по-своему. Со-размышление для меня привлекательнее, чем согласие. Я не хочу называть сейчас фамилии (обзову кого-нибудь своим учеником, а он обидится – назовет совсем другую фамилию своего учителя), но есть круг общения, в котором мне всегда интересно. В этом кругу меня учат тому, чего я не знаю.

Что же касается некоей внутренней перестройки под влиянием окружающих, то тут все очевидно: я не отношу себя к разряду «упертых». Убедите меня в том, что я не прав, и я пойду за вами. Не люблю людей, уверовавших однажды во что-то и предпочитающих ничего не менять всю оставшуюся жизнь. Человек не может не меняться в пространстве времени. Но ядро его жизненных принципов остается неизменным.

– *Коль скоро заговорили о принципах... На каких нравственных принципах должна быть основана деятельность преподавателя вуза? И каким образом эта позиция формируется?*

– Велик соблазн отправить вас к Евангелию, к Нагорной проповеди. Но вы, как я понимаю, ждете от меня каких-то других слов. Хорошо, попробую ответить.

Во-первых, говори аудитории то, что думаешь. Не приспособляйся к расхожему мнению окружающих. Во-вторых, не гни спину. Умей говорить «нет!» не из упрямства, а потому, что есть позиция, которой ты придерживаешься. Не молчи, когда видишь несправедливость (от кого бы она ни исходила). Молчун не менее опасен, чем краснбай. Молчание – не знак выдержанности, а знак беды, знак трусости. Понятно, чтобы не молчать, надо быть уверенным в себе. Чтобы быть уверенным в себе, надо много знать.

В-третьих, не стесняйся своего незнания. Чем отличается невежда от необразованного? Необразованный чего-то не знает, но стремится узнать. Невежда чего-то не знает и узнать не хочет. Лишних знаний не бывает. Я очень благодарен московскому геолого-разведочному ин-

ституту, в котором проучился около двух лет. Это было все не мое, но маме очень хотелось, чтобы я стал инженером. Инженером я не стал – завалил экзамен по высшей математике. Но два года пребывания в Москве дали мне очень многое. И не только потому, что я ходил в московские театры и музеи, а в «ленинке» читал умные книги. Столица расширила мой социальный кругозор. Да и изучение общей геологии и палеонтологии тоже не помешало.

В-четвертых, умей желать невозможного. Будь вольнодумцем в поисках нового, не стесняйся импровизировать. Для чего я захожу в аудиторию? Для того, чтобы совратить студентов своими представлениями о литературе, о профессии журналиста, о жизни. (Представляю, как взвоятся пуритане, наткнувшись на глагол «совратить»). Маяковский писал: «Поэзия – та же езда в незнакомое». А разве преподавание не есть поэзия обучения? Разве наука – не творческий процесс? Разве преподаватель вуза – только ретранслятор чужих идей, а не творец и своих собственных представлений о мире?

В-пятых, преподаватель вуза должен быть естествен. Его органика в аудитории – это органика человека, воплотившего в себе четыре важнейших ипостаси: личность, предлагающая аудитории свою точку зрения; ученый, предлагающий аудитории свои научные взгляды, свои гипотезы, поддержанные железной логикой аргументов; педагог, знающий, что перед тобой в аудитории сидит довольно разноликая и разнородная масса слушателей, внимание которой на полтора часа занятий должны быть прикованы только к тебе; наконец, художник, актер, умеющий, говоря словами Юнны Мориц, «власть держать над полным залом». Преподаватель в аудитории – фантазер, мечтатель, творец, владелец душ, отданных ему добровольно на все время пребывания в вузе. Обмануть студента, пришедшего учиться, невозможно. Обмануть можно только того, кто пришел за дипломом.

– *У каждого факультета университета не только свое пространство существования, но и своя атмосфера, свой химический состав воздуха. Что определяет духовный климат факультета журналистики?*

– Дух свободы, дух творчества, дух демократизма, дух доверия, дух раскованности, дух достоинства, дух дружелюбия, дух соревнования... У нас много духов. (Смеется) Все эти духи дружат друг с другом. Зайдите на факультет в разгар семестра – все стены оклеены учебными газетами. В перерыв громыхает радио факультета. Стены рекреаций увешаны фотоработами и рекламными проектами студентов.

Это – не показуха. Это – творческое самовыражение. Но подавляющее большинство жаждет высказаться... Те, кто хотят. Те, кому это инте-

ресно. Сегодня профессиональные журналисты, не имеющие специального образования, высокомерно нас упрекают — журфаки плохо учат ремеслу. Отвечаю: мы неплохо учим ремеслу, но еще лучше мы учим искусству. Прежде всего — искусству думать. Задумывающийся журналист — это великолепно! Это звучит гордо! (Извините, Алексей Максимович, за то, что я похитил у вас часть вашего высказывания). Задумался — решил высказаться — вбросил в аудиторию свою точку зрения... Это ли не доказательство торжества свободного полета мысли?

Тот, кто не уверен в себе, идет за советом к преподавателям. Вадим Георгиевич Кулиничев создал на факультете «синдром подоконника». В любом пространстве факультета любой желающий мог его — Вадима Георгиевича — остановить и призвать к ответу. И Кулиничев отвечал — чаще всего у первого попавшегося на глаза подоконника. Вадима Георгиевича нет уже более десяти лет, а сидром живет и процветает. Я, правда, предпочитаю неспешный разговор на кафедре, но это уже чистой воды факультатив.

Помните крик Осипа Эмильевича Мандельштама: «Читателя! Советчика! Врача! На лестнице колючей разговора б!»? Это и для нас актуально — читаем, советуем, врачуем. Без всего этого факультет просто невозможен.

— *Реальности современной жизни скорректировали представление о лидере в культуре. Сегодня это человек, способный принадлежать к разным культурам, быть своего рода переводчиком между разными концессиями, разными традициями социально-политического опыта. Можно ли считать, что такое лидерство является продолжением преподавательской миссии?*

— Чтобы ответить на этот вопрос, видимо, надо самому себе ответить на вопрос: а в чем, собственно, заключается суть преподавательской миссии? Я не уверен, что есть единственно верный ответ на этот вопрос. Миссия быть мессией, изрекать истину в последней инстанции? Быть энциклопедистом, отвечающим на все вопросы? Быть дядькой, утирающим носы и следящим за исправностью внешнего вида? Быть вождем, ведущим от победы к победе? Быть надзирателем, требующим от подчиненных приличного поведения в казенных стенах, а также в пространстве прилегающих к этим стенам окрестностях?

Миссия преподавателя вуза, мне кажется, ничем не отличается от миссии санитара, водителя маршрутного такси, фрезеровщика (если такая профессия еще сохранилась в России), корабела, ветеринара. Список профессий бесконечен. Миссия каждого живущего на земле — оставаться человеком, стремиться быть личностью, интересной окружающим. Если кто-то нуждается в общении со мной — это прекрасно! Если я никому не нужен — это грустно. Я не хочу быть

переводчиком с одного языка на другой, потому что мне не нравится укореняющееся в современной социальной культуре членение на «своих» и «чужих». Меня не устраивает понятие «границы», которым сегодня легко оперируют культурологи, социологи, филологи. От деления на касты один шаг до признания собственной непогрешимости, собственного превосходства, собственного величия. Я вошел в этот мир со словами «Азь есмь!» и тем счастлив. Все остальное от лукавого!..

Мне нравится формула Николаса Гильена: «Я пошел по дороге со всеми, и никто меня не прогонял». Знаете, не сразу, но постепенно я пришел к важному для себя выводу: движителем всего сущего в нашем мире является диалог. Сегодня привычным стало словосочетание «диалог культуры». Но ведь существует и диалог цивилизаций, и вечный диалог Хаоса и Космоса, и диалог сознаний, и диалог поколений, и диалог личностей, и диалог политических систем, и диалог экономических систем, и диалог мировоззрений, и диалог Разума и невежества... Помните Достоевского: «Здесь дьявол с Богом борется, и поле битвы — сердца людей»?

В моем представлении, лидер — это не тот, кто ведет за собой людей, а тот, кто готов постоянно поддерживать диалог. То есть тот, кто знает: диалог — это признание равноправия сторон, ведущих дискуссию; тот, кто не боится того, что его точка зрения может быть подвергнута сомнению. Но — одновременно — человек, стремящийся к лидерству, мне кажется, верит, что именно его позиция выглядит в глазах общества предпочтительной. Трагедия современных лидеров заключается в том, что собственную неправоту они признавать не научились.

— *В последнее время выражение «культурная идентичность» стало неким расхожим выражением, а выражение тревоги за судьбу российской идентичности — едва ли не важнейшим показателем патриотичности. А как к этой проблеме относитесь вы?*

— Поэт Павел Коган, писал:

И пусть я покажусь им узким
И их всесветность оскорблю,
Я патриот. Я воздух русский,
Я землю русскую люблю.
Я верю, что нигде на свете
Второй такой не отыскать,
Чтоб так пахло на рассвете,
Чтоб дымный ветер на песках.
И где еще найдем такие
Березы, как в моем краю.
Я б сдох, как пес, от ностальгии
В любом кокосовом раю.

Поэт погиб на сопке Сахарной под Новороссийском. Во время разведки боем.

Мне не очень понятно кликушество современных радетелей за чистоту любви к Родине.

И уж тем более непонятно соревнование в этой борьбе. Какая связь между понятиями «культурная идентичность» и «патриотизм»? Мне в равной степени симпатичны и Ванька Жуков, и Том Сойер, и Гамлет, и Михаил Львович Астров, и Жан Вальжан, и Иван Северьянович Флягин. Я не люблю разделительных союзов «или — или». Мне по душе союзы соединительные «и — и».

Вот живет в Воронеже Олег Григорьевич Ласунский. Абсолютно негромкий человек. Собирает. Книги собирает. Автографы. Письма. Живет на небольшую вузовскую пенсию. И вот недавно этот человек приобрел за двадцать тысяч рублей редкую книгу. Его естественно спрашивают: «Зачем вы это сделали?» Олег Григорьевич отвечает: «Хочу, чтобы эта книга осталась в нашем городе»...

Я знаю в городе несколько меценатов, которые, не жалея своих средств, помогают городской культуре. Но Олег Григорьевич не меценат, покровительствующий городским деятелям искусства. У него просто дар такой — бережно относиться ко всему, что может быть утрачено. И я ни разу за полвека знакомства с ним не слышал, чтобы Олег Григорьевич Ласунский, собрав вокруг себя людей, говорил бы проникновенно: «Мы — патриоты родного города»...

Не люблю кликуш. Не принимаю людей, которые с высоты собственных представлений о мире выкрикивают высокопарные слова о национальном достоинстве и при этом презирают тех, кто не вышел пресловутым «пятым пунктом». В конце концов, дело даже не в том, что, как заявили американские ученые, в седьмом поколении можно найти родственные признаки между всеми, живущими на земле. Дело в ином: любовь (в том числе и любовь к России) — первейшее чувство, определяющее нравственное состояние личности.

— Как известно, у человека есть функциональная и мемориальная память. И последняя, по моему мнению, стремительно разрушается. Молодежь, с которой нам с вами приходится общаться, очень редко обращается к прошлому...

— Молодежь мало читает, не особо интересуется театром, не слишком разборчива в современной продукции кинематографа. Музыкальная культура ее ограничивается современными мелодиями (которые и мелодиями-то нельзя назвать) и ритмами. Канал «Культура», сохраняющий верность высокому искусству, застрял по своей популярности между молодежным каналом «Ю» и детским каналом «Disney».

— Молодежь не отводит глаз от компьютера — возможно, она слушает хорошую музыку в Сети?

— Но ведь молодых не так уж много на концертах в филармонии, в театре имени А. Кольцова. В ТЮЗ их приводят классами. Раз нет представлений о запасах великой мировой

культуры, нет и потребности и в общении с ней... Вы спрашиваете, что делать?

Изо дня в день на лекциях и семинарах, в кулуарах и в аудитории, в обиходе и на специально организованных акциях напоминать о колоссальных ресурсах культуры в расширении эстетического кругозора, просто — в развитии представлений о мире. Войдите в аудиторию и перед лекцией по органической химии, например, скажите задумчиво: «Коллеги, я сегодня прочла (прочел) удивительный роман (повесть, рассказ)». Не говорите банальное: «Советую прочесть». Просто назовите имя автора и заглавие книги.

— Вы полагаете, народ тотчас побежит в библиотеку?

— Может, и не побежит. Но имя автора, возможно, останется в памяти. Неважно, какой — функциональной или мемориальной. А может, следует вставить цитату из художественного произведения в научный трактат. А может, сказать весело: «Давайте сегодня останемся после занятий и послушаем хорошую музыку!» А может, лекцию по математике начать с прослушивания записей «Виртуозов Москвы»...

Легче всего укрыться за фразой: мол, выросло поколение прагматиков, которым не нужно искусство, а подавай ремесло. Вот потому, что мы так думаем и не верим, что молодежь может быть иной, мы смирились с нынешними эстетическими притязаниями молодежи и не удивляемся, когда на вопрос «Что тебе больше всего понравилось во время поездки в Египет?», раздается — «Танец живота».

— А если бы вам, Лев Ефремович, в ваши девятнадцать-двадцать лет, довелось оказаться в Египте, что бы могло вам понравиться?

— Девятнадцать-двадцать лет мне было в 1953-1954 годах. О каком Египте можно было тогда мечтать? — Но пирамиды бы, наверное, посмотрел бы.

— Последний вопрос. Когда-то Юрий Михайлович Лотман определил культуру как пространство имен собственных. Какие имена вы вписали бы в пространство современной российской культуры? И нужно ли выделять в этом пространстве региональную территорию?

— Современной России нужна вся мировая культура. Мы же не «Архипелаг Кульблаг», состоящий из имен российских мастеров искусств. Необразован? Начни потихоньку с мифов Древнего мира и двигайся неспешно к стихам Бориса Пастернака (Возможны варианты). Мне кажется, сегодня в мире два имени звучат актуально: Вильям Шекспир и Антон Чехов. Но и эти имена я никому не навязываю. Любой совет прост: найдите в себе художника, чей авторитет для вас очевиден. И — встречайтесь с ним.

Беседовала Тамара Дьякова